

Рыжков В.

Время Букетова / В. Рыжков // Казахстанская правда. - 2005. - 25 марта.

80-летний юбилей видного ученого, писателя, общественного деятеля, академика Евнея Арстановича Букетова — не только торжественная дата для общественности республики. Это еще и замечательный повод разобраться в феномене талантливой, разносторонней личности. Он писал в очерке об академике Каныше Сатпаеве: «Для нас необходимо, по-видимому, изучить жизнь тех немногочисленных подвижников духовного, научного созидания, чьи разум, способности, воля и инициатива пробудили в массе вчерашних кочевников необратимую тягу к творческой деятельности в укор тем, кто не верил в наше национальное будущее». Пророческие слова Евнея Букетова могут служить ярким эпиграфом к его жизни.

Впервые с творчеством академика Букетова я глубоко познакомился много лет назад, работая заместителем редактора областной газеты «Индустриальная Караганда». В кабинет вошел высокий седой человек и, положив на стол рукопись, уверенно начал: «Это воспоминания о моем брате. Сегодня о нем ходит много различных слухов. Я хочу, чтобы люди знали о нем правду». Прочитав рукопись, я предложил автору написать еще что-нибудь о брате. И Камзабай Арстанович сдержал слово. Сейчас при встрече младший Букетов всякий раз шутит: «Это вы меня втянули в писательство. Теперь не могу остановиться...».

Камзабай Букетов сполна выполнил свой братский долг. С его помощью впервые увидели свет многие книги и научные работы Евнея Арстановича. Например, к грядущему юбилею издается шеститомник академика. В последние годы общественность в полном объеме познакомилась с творческим наследием писателя и ученого.

Они родились в ауле «У мечети» в пойме реки Ишим. В семье было 14 детей, из которых в живых осталось только 5. Родители, чтобы прокормить малышей, часто перебирались с места на место. В 1941 году, после окончания 9-го класса, Евнея в числе лучших учеников направили учителем в одну из сельских школ. На вечерах художественной самодеятельности он декламировал А. Пушкина, В. Маяковского. До этого, еще в седьмом классе, поставил маленькую трагедию Пушкина «Каменный гость», в которой сам исполнил роль Дон Гуана. Позже Букетов перевел ее на казахский язык.

После смерти отца, в декабре 1942 года, все заботы о семье легли на плечи Евнея. Младшему из пяти братьев было тогда два года. Жили трудно, немало хлебнули горя, но постепенно встали на ноги. А когда Евней неожиданно для многих земляков уехал учиться в Москву, по аулу пошли разговоры, мол, витает парень в облаках, не думает о семье. Но жизнь показала обратное: постигая науки, Евней в первую очередь думал о будущем своих родных и близких. К слову, позже все братья получили высшее образование. Камзабай, в частности, став инженером-электриком, долгие годы возглавлял

крупнейшие предприятия и организации региона. Из воспоминаний К. Букетова:

«Мне нередко задают вопрос, как Евней выбрал профессию. Если я скажу, что он всю жизнь мечтал "быть ученым-металлургом, то я скажу неправду. Ему одинаково легко давались и естественные, и гуманитарные дисциплины. Этот вопрос был ему задан на одной из встреч в карагандинском университете. Тогда он ответил следующими словами: «...Когда я уехал в столицу Казахстана на учебу, мечтал о карьере учителя языка и литературы, но втайне от себя - карьере писателя. Хотел поступить на филологический факультет. Но по подсказке друзей решил, что литературой можно заниматься везде и всегда. Сдал документы в горно-металлургический институт». В его повести «Шесть писем другу» главный герой схож своей судьбой с автором. Находясь в стенах института, Евней начинает вращаться в кругах работников литературы и искусства».

Об этом рассказывает народный писатель Казахстана Абдильды Тажибаев в своей книге «Запомнившиеся».

«...В начале пятидесятых годов Евней увлекался литературно-критической деятельностью. Он пишет рецензии на произведения видных писателей республики, выступает с литературной критикой на страницах газет и журналов. Являясь большим поклонником новаторского стиха В. Маяковского, брат с большой любовью характеризует его творчество. Я часто смотрю на старую фотографию, где Евней на клубной сцене читает «Стихи о советском паспорте». Не только его жесты, но и высокая фигура, большеглазое лицо, могучая стойка напоминают Маяковского. Он часами декламировал его стихи и поэмы. И, конечно же, он не мог остаться равнодушным к переводам стихов любимого поэта на родной язык. В своей статье «Дума о переводах» Евней анализирует переводы, сделанные такими видными мастерами, как С. Мауленов, К. Бекхожин, К. Аманжолов, М. Алимбаев и другие. Наиболее удачными он считал переводы Касыма Аманжолова, хотя отмечал, что в некоторых местах он не сохраняет «лесенки» Маяковского.

В культурной жизни республики важное место занял в тот период роман Габита Мусрепова «Пробужденный край». Анализируя произведение, Евней пишет в статье «У истоков дружбы»: «Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы». Эта рецензия была опубликована газетой «Казахстанская правда» и явилась сенсацией в писательских кругах республики. Откровенная обоснованная критика не вызвала раздражения у Габита-ага. Более того, Габит Мусрепов после появления статьи в газете позвонил Евнею и сказал, что придет к нему. В то время Евней с нашей женой Зубайрой Дюсеновной занимали одну комнату в коммунальной квартире. Наша жена прекрасно готовила, и мы, студенты, приходили часто полакомиться ее вкусными блюдами. У них я не раз встречал писателей, поэтов, драматургов, артистов. Мне было очень

интересно увидеть известного писателя, и я остался ждать прихода Габита-ага. В назначенное время пришел полноватый мужчина в очках, в летнем костюме, с портфелем. поприветствовал, расспросил по национальному обычаю о здоровье родных и близких. Спросил обо мне, кто я. После традиционного чая, поданного хозяйкой, Габит-ага достал свою книгу «Пробужденный край» и газету «Казахстанская правда» с рецензией брата. Затем они стали скрупулезно разбирать каждое предложение. Беседа их шла на хорошем литературном языке, эмоционально, но очень уважительно.

Через два с половиной часа, когда они закончили обсуждение книги и статьи, мы с братом пошли провожать Габита-ага. По дороге их разговор продолжался. Наверное, эта встреча в те уже далекие 50-е годы послужила началом дружбы Евнея с Габитом Мусреповым».

Во время наших частых бесед с Камзабаем Букетовым он рассказал, что у его брата был шанс стать профессиональным журналистом. В 1956 году Евнею предложили должность собственного корреспондента «Литературной газеты» по Казахстану. Но он отдал предпочтение естественным наукам, а если точнее, их сочетанию с занятием литературой. Первой большой работой Е. Букетова был перевод повести И. Васильева «Артемка». Затем он перевел рассказы и статьи Э. Золя и роман болгарского классика И. Вазова «Под игом», пьесу В. Маяковского «Клоп». Потом почти на десять лет литературная деятельность Евнея Арстановича прервалась. Он объяснял это так:

«Большое счастье иметь возможность отказаться от желания того, в чем ты начал сомневаться, дать себе отдых и не думать над тем, что ты делаешь. Я имел возможность отказаться от писания. Вернулся к писательскому труду тогда, когда понял, что мне есть о чем писать...».

Позже Букетов много публикуется с критическими статьями, литературоведческими исследованиями в различных журналах, переводит на родной язык стихи и поэмы С. Есенина, пьесу В. Шекспира «Леди Макбет», пишет эссе о Чокане Валиханове, автобиографическую повесть «Шесть писем другу», начинает работу над книгой о Каныше Имантаевиче Сатпаеве. Это лишь беглое и неполное перечисление литературных опытов Евнея Арстановича. В каждой его книге есть своя философия. Он писал сочно, раскованно, но в то же время с должным уважением относился к родному и русскому языку. Камзабай Букетов рассказал о таком случае. Евней Арстанович был оппонентом у одного ныне известного ученого из Екатеринбурга, который в ту пору защищал докторскую диссертацию. За две недели до защиты брат пригласил диссертанта и указал на досадные стилистические ошибки в тексте. «Мне, казаху, неудобно делать вам, русским ученым, замечания о стиле языка», - посетовал Евней Арстанович. Молодой ученый настаивал, что согласен защищаться при любом отзыве руководителя. Букетов был непоколебим. Защита состоялась через год, но соискатель ученой степени не обиделся на академика.

Однажды я задал Камзабаю Арстановичу, может быть, несколько опрометчивый вопрос: в какой области его брат добился больших успехов, в

литературе или науке? Мой собеседник посчитал такое сравнение некорректным и посоветовал обратиться к сборнику воспоминаний об академике Букетове, в котором его коллеги, единомышленники дают точную оценку научного наследия. Они отмечают, что значительным делом жизни Евнея Арстановича было основанное им научное направление в области химии и технологии халькогенов, в первую очередь селена и теллура.

В свое время Академия наук СССР, отмечая вклад Е. Букетова и его школы, провела в Караганде ныне широко известные семинары в этой области. В лаборатории химии угля у Евнея Арстановича родилась гениальная мысль - заняться превращением углей Шубаркольского, Майкубенского и других месторождений в жидкие топлива - бензин, солярку.

Он оставил молодому поколению 9 монографий, 110 авторских изобретений. В мемориальном музее находятся списки его талантливых учеников. Среди них 16 докторов и более 60 кандидатов наук. Кроме того, Букетов был способным организатором в сфере образования, производства, умело решал вопросы строительства. Под его руководством создавалась материальная база Казахского политехнического института, Карагандинского научно-исследовательского химико-металлургического, Карагандинского университета, первым ректором которого он был. Перед самой смертью он добился открытия лаборатории по исследованию низкосортных углей Казахстана. Уже было смонтировано оборудование, но поработать в этой лаборатории ему не удалось...

Из воспоминаний К. Букетова: «...В 1958 году брата назначают проректором Казахского политехнического института. Он вынужден был на время отложить писательство, свои исследования в науке и полностью переключиться на административную работу. Через два года президент Академии наук республики К. Сатпаев предложил Евнею возглавить вновь созданный в Караганде химико-металлургический институт. Заняв высокий пост в возрасте 35 лет, не имея большого опыта руководящей и организаторской работы, брат столкнулся с серьезными трудностями. Все его попытки сплотить небольшой, но разношерстный коллектив ученых, съехавшихся со всех концов страны, были безрезультатными. Сотрудники разбились на две конфликтующие группы. Евней в отчаянии даже написал заявление на имя президента АН Казахской ССР с просьбой об освобождении его от занимаемой должности. Но тот предостерег молодого руководителя от скоропалительных решений, и брат с новым энтузиазмом взялся за дело. Начала укрепляться материальная база, лучше стали оснащаться приборами лаборатории, появились первые кандидаты наук, вышедшие из стен института. Коллектив сплотился.

Работая над проблемой сжижения угля для моторного топлива, Евней нашел активного сторонника в лице академика союзной академии, доктора химических наук, директора Института физической химии АН СССР, Героя Социалистического Труда Виктора Ивановича Спицына. Они постоянно переписывались, обсуждая в основном проблемы химии. Иногда брат информировал старшего товарища, называя его по-казахски уважительно

Вике, о своих литературных делах: «К сочинительству у меня интерес, по-видимому, в крови. Нет-нет, да и хочется о чем-то написать. Последние десять лет я урывками занимаюсь биографией академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Почему я занимаюсь именно им? Потому, что он наш первый академик, первый признанный всеми, в особенности выдающимися деятелями русской, советской науки, ученый-казах. До него был крупнейшей фигурой Чокан Валиханов, но умер тридцати лет промелькнувшим метеором, как выразился академик Веселовский.

Сатпаев - первый президент нашей национальной академии. Последнее, конечно, ничего не значит, ибо граф Кирилл Разумовский тоже был президентом императорской академии... Речь идет о Сатпаеве - труженике науки, о Сатпаеве - человеке такого кругозора, который не оставлял его равнодушным ко всему, что делалось в республике, Сатпаеве — эрудите, обладавшем громадной интуицией и тонким чувством нового, умением вникать во все прогрессивное и давать необходимые импульсы. Я проработал под его началом где-то года три-четыре, причем отношение его ко мне к концу жизни (1964 г.) было скорее отрицательным, поскольку, не имея достаточного жизненного опыта, я не умел нейтрализовать всякого рода околонуучных людей, наущивавших изрядно больному президенту. Особенно напирала на неуважение к старшим. В том я, по-видимому, был сам виноват, потому что, как щенок из-за набегавшего чувства самостоятельности, далеко отбегающий от хозяина, вел себя слишком самостоятельно, что было на руку зашаталям. И тем не менее, чем дальше отходит то время, когда работал Сатпаев, тем явственнее чувствуется громадность его фигуры. По-истине, большое видится на расстоянии».

В жизни Евнея Букетова, как у многих творческих людей, была драматическая полоса жизни. Его талант, известность, принципиальность, умение дружить не давали покоя завистникам. Сигналом к расправе над академиком послужил фельетон в молодежной республиканской газете «В соавторстве... с Хлестаковым». Рецензируя «Записки научного работника», опубликованные в журнале «Простор», автор обвинил Евнея Арстановича в зазнайстве, хвастливости, фальсификации. После публикации пасквиля в университете начались различные проверки. Всем стало ясно, что «копают» под Букетова. В конце 1989 года, устав от необоснованных обвинений, бесконечной травли академик написал заявление об уходе с поста ректора по состоянию здоровья. Он вернулся в родной химико-металлургический институт, где был зачислен на скромную должность старшего научного сотрудника. Из воспоминаний К. Букетова:

«...Наступил тяжелейший период его жизни. Большинство знакомых отвернулись. Он оказался почти один в отведенном ему маленьком кабинете за рабочим столом, где продолжал заниматься наукой - проблемами получения жидкого топлива и химического сырья из углей бассейна. Немногие продолжали дружить с братом. Евнея поддержали в трудную пору Олжас Сулейменов, ученики академика. Безусловно, ему, привыкшему действовать масштабно, было не просто работать в такой обстановке.

Спасением для Евнея были три его верных спутника: терпение, труд и упорство. Дома он принимал редких посетителей, занимался детьми, консультировал аспирантов. Он сильно переживал, что ни одно периодическое издание не публиковало его сочинений, а издательства вернули книги, подготовленные к производству. Но он не поддавался унынию...

Он продолжал много трудиться. Переработал авторскую повесть «Шесть писем другу» и очерк о Чокане Валиханове. Его Евней предложил редакции московского ежегодного альманаха «Пути в незнаемое», где он и был опубликован. Брат продолжал писать книгу о Каныше Сатпаеве. Последним при жизненном издании был небольшой сборник «Моя любовь», куда вошли переводы стихов Сергея Есенина и его знаменитой поэмы «Анна Снегина». В 1983 году руководство ХМИ предложило Евнею возглавить лабораторию по черной металлургии. Он дал согласие.

...Мы с Евнеем ежедневно общались по телефону. Он знал, что я прихожу на работу к восьми часам, обязательно звонил и осведомлялся о моем здоровье, расспрашивал о последних новостях. И в тот день в моем кабинете раздался звонок. Я поднял трубку, это была Зуке - жена брата. Она сообщила эту страшную весть. 13 декабря 1983 года в 7 часов 40 минут утра на 59-м году жизни сердце моего дорогого брата Евнея остановилось...».

Как-то, работая над совместным материалом о жизни академика Букетова, мы с Камзабаем Арстановичем задумались над концовкой очерка. Хотелось ее сделать нетривиальной, запоминающейся. «Расскажу такой слу-чай, - предложил Букетов-младший. - Дочери соседей Евнея Арстановича - Люсе Тихой нравилась профессия врача. Шесть раз она поступала в медицинский институт и не добирала одного балла. После очередной неудачи плачущую Люсю встретил во дворе мой брат. Расспросил ее, успокоил. На следующий день пошел к ректору мединститута и попросил Люсю зачислить. «Кого же мы должны учить, как не таких преданных делу людей», — сказал он своему коллеге. Люся Тихая успешно окончила институт, сейчас работает в Актау, воспитывает сына». Завершая рассказ, Камзабай Арстанович закашлялся и выразительно посмотрел на меня. Он знал, что к этой истории уже ничего не добавишь. Академик Евней Букетов прежде всего был Человеком с большой буквы.